

Ремонт занял три часа, с заката до появления луны на ветвях, Ли Сяоцзюнь не пил воды и не отдыхал ни минуты. Остальные, чтобы сэкономить бензин, разожгли костёр на небольшой поляне рядом с машинами.

Лица людей освещались пламенем, и каждый был покрыт потом, словно курица, жарящаяся на огне. В горах было много комаров, и они, распыляя репеллент, болтали.

Когда Цзян Жун и Гуань Шао подошли к ближайшему холму, они увидели эту картину: Ли Сяоцзюнь, весь в масле, ремонтировал машину, а его родственники жены сидели вокруг костра, смеясь и разговаривая.

Цзян Жун вздохнул и покачал головой:

— Мог бы быть принцем дома, а пошёл слугой к чужим.

Он видел, как хорошо дядюшка Ли и тетюшка Ли относились к Ли Сяоцзюню. Старики не хотели, чтобы сын устал, и после тяжёлого дня, несмотря на жару, приносили ему фрукты. А он, вместо благодарности, считал, что родители не помогают ему, и даже помогал чужим унижать их.

Гуань Шао тихо ответил:

— Ничего не поделаешь, в мире всегда есть люди с низкой натурой.

Говоря это, Гуань Шао нанёс что-то на лицо. На голове у него была странная шляпа с козырьком, под которым висели два слоя сетки. Сетка спускалась на его шею, закрывая открытые участки кожи.

Это был его самодельный противомоскитный шлем. В горах было душно и много комаров, и ночью без защиты можно было не выжить.

Но самодельный шлем не мог сравниться с профессиональным снаряжением, и мелкие комары всё равно проникали через щели и кусали его лицо. Пока он разговаривал с Цзян Жунем, на его лице уже появилось несколько укусов.

Современные комары были ядовиты, и укусы вызывали боль и зуд. Убив комара, Гуань Шао достал немного бальзама и нанёс его на укушенные места через сетку.

Раньше, выполняя задания, он не мог позволить себе таких вольностей. Но теперь его противниками были не хорошо вооружённые иностранные агенты, а ничего не подозревающие гражданские, и они находились на расстоянии нескольких десятков метров. Прикрытые растениями, Гуань Шао не боялся, что их обнаружат.

Видя, как Гуань Шао страдает от комаров, Цзян Жун вдруг понял, как хорошо иметь способность элемента дерева. После Великого Кризиса избежать укусов комаров было настоящим счастьем.

Цзян Жун задумался, как облегчить страдания Гуань Шао. Он слышал, что некоторые растения отпугивают комаров, может быть, он сможет найти что-то поблизости, чтобы помочь ему.

Как только Цзян Жун собрался уйти, Гуань Шао протянул руку и остановил его:

— Куда ты?

Цзян Жун тихо объяснил свои мысли Гуань Шао:

— Подожди меня немного, я скоро вернусь.

Гуань Шао прищурился и улыбнулся:

— Не беспокойся, я больше боюсь, что эти люди нас заметят, чем комаров.

Увидев недоумение Цзян Жуна, Гуань Шао снял перчатку и коснулся сетки. На сетке появился слой мелких электрических искр. Когда комары сталкивались с этим слоем, раздавался тихий щелчок, и они падали замертво.

Чем больше комаров летело на Гуань Шао, тем ярче становились искры. Цзян Жун даже смог разглядеть лицо Гуань Шао в темноте, и тогда он понял, что имел в виду Гуань Шао.

После того как он обнаружил, что тот ходячий аккумулятор, Цзян Жун понял, что эспер элемента молнии — это ещё и ходячая мухобойка. Эта способность... очень удобна и практична, и Цзян Жун снова почувствовал зависть.

Гуань Шао быстро надел перчатку:

— Ничего, эти комары — мелочь. Продолжим смотреть представление.

Ли Сяоцзюнь, проработавший три часа, был покрыт пылью и потом. Он не был профессионалом, у него не было подходящих инструментов, и даже если бы он нашёл проблему, у него не было бы запчастей для замены.

Уставший и измученный жаждой, Ли Сяоцзюнь подошёл к родственникам жены и мрачно сказал:

— Я бессилён.

Как только он произнёс это, лицо Цао Цянь потемнело:

— Бессилён? Что значит бессилён? На грузовике столько припасов, что мы будем делать без него?

Ли Сяоцзюнь пристально посмотрел на Цао Цянь, и, увидев на её лице только упрёки, его раздражение тоже вырвалось наружу:

— Я изначально не умею, я говорил, что не стоит брать машину с дороги, неизвестно, какие у неё проблемы, но вы не послушали. Теперь я бессилён, пусть кто-то другой попробует.

С этими словами он сел на свободное место, достал бутылку воды и начал жадно пить. Вода попала в пустой желудок, и он заурчал. Ли Сяоцзюнь протянул руку к курице, жарившейся на костре, но курица была уже почти съедена, остался только скелет.

На скелете почти не было мяса, Ли Сяоцзюнь отломил кость и начал грызть её. Без приправ кость была пресной и имела неприятный запах. Только он начал есть, как раздался голос тёщи:

— Эх, что же делать? Эх...

Тесть хмыкнул:

— Что делать? Ничего не поделаешь, мы в глуши, ни деревни, ни города рядом. Похоже, сегодня ночевать будем под открытым небом.

После того как его свалил Хуцзы, он чувствовал, как в груди что-то давит. Сидя у костра, он уже успел проклясть всех предков Хуцзы, но, увидев, что Ли Сяоцзюнь вернулся, он вдруг изменился. Держа термос, он сказал с отеческой заботой:

— Сяоцзюнь, не принимай близко к сердцу то, что произошло сегодня. Твои родители просто привыкли к родным местам. Когда мы укрепимся на базе, мы вернёмся за ними. Старички они такие, говорят одно, а думают другое, разве родители могут отказаться от своего ребенка?

Тёща пробормотала:

— Тьфу, какая там привязанность к родным местам? Я вижу, они просто показывают нам своё недовольство, думают, что мы слишком долго жили у них и съели их еду. Как они могут так обходиться с нами? До Великого Кризиса они всегда были с нами вежливы. А теперь считают, что мы бесполезны...

Родственники поддержали её, и обида Цао Цянь снова вырвалась наружу:

— Если бы я не вышла за тебя, моя семья не оказалась бы в таком положении, когда нам приходится терпеть такое отношение.

— Ли Сяоцзюнь, скажи сам, сколько твои родители помогли нам с момента нашей свадьбы? За дом в пять миллионов юаней мои родители заплатили два с половиной миллиона, а твои — всего шестьсот тысяч. Мои подруги, когда выходили замуж, все ездили за границу, покупали бриллианты в один карат, а я только золото, и то ты всё время плакался, что денег нет.

— Я всегда знала, что на тебя и твоих родителей нельзя положиться. Мы жили у вас больше месяца, съели немного вашей еды, и посмотри, какими стали лица твоих родителей. Когда они смотрят на меня, их носы кривятся, а глаза не смотрят прямо. Я ведь беременна твоим ребёнком, они хоть раз позаботились обо мне? Нет, не позаботились, а вместо этого бегали за чужими детьми.

— Скажи сам, разве легко получить место на базе? Разве мы хотели им навредить, предложив поехать туда? Неблагодарные люди, добро принимают за зло. Самое ужасное, что они позволили собаке укусить моего отца. Разве мой отец плохо к тебе относился? Разве он плохо относился к твоим родителям?

— Я знаю, что твои родители хотели, чтобы ты женился на деревенской девушке, которая будет работать на их земле, рожать детей и служить им, как бесплатная няня. Ли Сяоцзюнь, я запомню, как твои родители обращались со мной всё это время!

Цяньцянь продолжала выплёскивать свою ненависть, особенно к дядюшке Ли и тетюшке Ли. С момента первой встречи, когда тетюшка Ли дала ей слишком маленький конверт, до всех невзгод после свадьбы... Её речь была быстрой и резкой, и она буквально сводила всех с ума.

Ли Сяоцзюнь, держа кость, смотрел на костёр с пустым взглядом. Резкий голос Цао Цянь и поддержка родственников постепенно затихали в его ушах. Его лицо, обожжённое жаром костра, было покрыто потом и маслом. Как интеллигент, когда он испытывал такие трудности?

Увидев, что Ли Сяоцзюнь отключился, Цао Цянь разозлилась ещё больше, она схватила горсть камней и бросила в него:

— Ли Сяоцзюнь, ты оглох?! Я с тобой разговариваю!

Боль от удара камнем вернула Ли Сяоцзюня в реальность, и он злобно посмотрел на Цао Цянь, в его глазах появилась злоба, которую он сам не заметил.

<http://bllate.org/book/16638/1524461>